КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1880 года № 38 17-го сентября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 3 руб. 60 коп. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за 1 разъ 15 коп. за строку или ея мѣсто, за 2 раза по 20 коп. за 3 раза по 25 коп.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Праздникъ 8-го сентября въ Софійскомъ соборѣ. День *Рождества Пресвятыя Богородицы* 8 сентября съ незапамятной поры считается храмовымъ праздникомъ Софійскаго собора. Въ Софійскомъ храмѣ въ Новгородѣ, а за тѣмъ и въ другихъ Софійскихъ храмахъ сѣверной Руси (они извѣстны въ Москвѣ, Вологдѣ, Тобольскѣ) такимъ праздникомъ считается день *Успенія Божіей Матери* 15 августа. Недостаточно выяснено, почему къ этимъ именно днямъ пріурочены храмовые праздники св. Софіи. Несомнѣнно, что названіе св. Софіи знаменуетъ Ипостасную Премудрость, воплощенное Слово, Сына Божія. Идея посвященія храма св. Софіи, Ипостасной Премудрости Божіей, плодъ созерцательнаго ума грековъ, сама въ себѣ не ясною была для древне-русскаго сознанія. Поэтому то, конечно, храмовъ съ названіемъ св. Софіи въ древней Руси было весьма не много, не много явилось ихъ и потомъ, такъ что наконецъ совсѣмъ перестали давать такое названіе новымъ храмамъ *). Но затѣмъ и для существовавшихъ уже храмовъ св. Софіи не сразу могъ установиться день храмоваго праздника. Сперва такимъ былъ вѣроятно день освященія этого храма 4 ноября, какъ это значится и въ древнихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе, что вообще существовалъ обычай праздновать дни освященія храмовъ. Но празднованіе дня освященія храма все таки не могло замѣнять собственно храмоваго праздника. Естественно, что такимъ праздникомъ для св. Софіи, по ея знаменованію Ипостасной Премудрости Божіей, могъ быть одинъ изъ Господскихъ праздниковъ. Можетъ быть такъ было въ началѣ въ Новгородѣ, гдѣ главною иконою Софійскаго храма была икона Спасителя, о самомъ написаніи которой сохранилось сказаніе, соединяющее судьбу города съ судьбою иконы. Но если и было такъ, то не осталось потомъ, и въ Новгородѣ храмовымъ днемъ Софіи сталъ день Успенія Божія Матери, какъ въ Кіевѣ день ея Рождества. Это, какъ полагаютъ нѣкоторые, послѣдовало отчасти случайно. Существовалъ обычай въ дванадесятые праздники совершать крестные ходы отъ градскихъ церквей къ каѳедральной соборной. Въ послѣдствіи эти крестные ходы вышли изъ обычая и оставленъ одинъ, пріуроченный въ Новгородѣ къ дню Успенія, какъ послѣднему великому празднику года, который въ старину оканчивался августомъ, а въ Кіевѣ къ дню Рождества Богородицы, какъ первому великому празднику новаго года, начинавшагося съ сентября. Когда крестные ходы от-

*) Въ древнѣйшей Руси извѣстны только три храма св. Софіи: въ Кіевѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ. Въ Кіевѣ и Новгородѣ это были одни изъ первыхъ храмовъ, строенныхъ греками и при іерархахъ изъ грековъ, когда болѣе, чѣмъ потомъ, имѣло мѣсто подражаніе стольному Царьграду съ его главнымъ храмомъ св. Софіи. Въ Полоцкѣ храмъ Софіи построенъ позже—въ XII в., но кажется при епископахъ изъ грековъ и князьяхъ, бывшихъ недавно предъ тѣмъ въ Царьградѣ. Въ позднѣйшее время извѣстны опять всего три храма св. Софіи: въ Вологдѣ, Москвѣ и Тобольскѣ.

мѣнились и въ эти дни, осталось воспоминание о нихъ въ празднованіе означенныхъ дней для обоихъ храмовъ св. Софіи, какъ храмовыхъ. Такое объясненіе нуждается однако въ болѣе *точныхъ* фактичечкихъ подкрѣпленіяхъ, которыхъ пока не найдено. Между тѣмъ оно не исключаетъ другаго объясненія, служащаго какъ бы дополненіемъ къ нему. Идея Софіи, какъ воплощеннаго Слова, какъ Ипостасной Премудрости Божіей, взятая изъ свящ. Писанія, соединялась съ представленіемъ о *домѣ* или храмѣ Премудрости, какимъ таинственно называется въ св. Писаніи Матерь Слова, Пресвятая Богородица. Отсюда казалось сообразнымъ пріурочить праздникъ св. Софіи къ тому или другому изъ важнѣйшихъ праздниковъ въ честь Той, Которая таинственно называется храмомъ Софіи, т. е. воплощенной, Ипостасной Премудрости. Въ Новгородѣ составлены были на храмовый праздникъ св. Софіи 15 августа и церковныя пѣсни, соединяющія благоговѣйное прославленіе празднуемаго всею церковію въ этотъ день событія Успенія Божіей Матери съ прославленіемъ рожденной ею Ипостасной Премудрости. Въ Кіевѣ служба 8 сентября въ Софійскомъ соборѣ есть рядовая и общая служба праздника Рождества Богородицы. Служеніе этого дня, совершенное Высокопреосвященнымъ архипастыремъ въ Софійсномъ соборѣ было въ наступившемъ мѣсяцѣ второе, послѣ служенія, совершеннаго имъ въ великой лаврской церкви 7 сентября, въ день воскресный. Какъ служеніе храмоваго праздника каѳедральной церкви, оно совершено съ особенною торжественностію въ соборномъ сослуженіи преосвященныхъ викаріевъ Іоанна, епископа Чигиринскаго, и Михаила, епископа Уманскаго, ректора Академіи, двухъ архимандритовъ и каѳедральнаго духовенства. Въ обычное время на литургіи сказанная проповѣдь (каѳедр. протоіерея П. Г. Лебединцева), на основаніи праздничнаго тропаря *Рождество Твое, Богородице Дѣво*, выясняла значеніе воспоминаемаго событія въ Божественномъ домостроительствѣ нашего спасенія, совершеннаго воплотившимся отъ Дѣвы Маріи Сыномъ Божіимъ, согласно древнимъ обѣтованіямъ о семъ. Служеніе окончилось въ $^3/_4$ 1-го часа, но еще около часу продолжался выходъ маститаго архипастыря изъ храма къ покоямъ митрополитанскаго дома, потому что на всемъ пути отъ самой алтарной части храма и далѣе въ храмѣ и внѣ его путь ему заступалъ тѣснившійся для полученія отъ него благословенія народъ, стеченіе котораго въ этотъ день, какъ храмовый собора, было весьма велико и въ храмѣ и на церковномъ погостѣ. Въ числѣ этомъ видѣлись еще и пришлые богомольцы, преимущественно изъ ближайшихъ къ Кіеву уѣздовъ: кіевскаго, васильковскаго, таращанскаго, каневскаго, откуда въ это позднее время богомольныхъ хожденій богомольцевъ бываетъ обыкновенно больше, чѣмъ изъ другихъ дельнихъ мѣстъ. Послѣ всего въ покояхъ Архипастыря, какъ хозяина каѳедральнаго дома, былъ, по древему обычаю, праздничный обѣденный пріемъ, на которомъ возглашено было многолѣтствіе Государю Императору и всему царствующему дому. При за здравномъ возглашеніи за споспѣшниковъ своего служенія преосв. викаріевъ, за свою паству и присутствовавшихъ гостей изъ ея членовъ, Архипастырь выразилъ пожеланіе, чтобы его пасомые, при Божіей помощи, преуспѣвали въ вѣрѣ и благочестіи, усовершались въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, составляющихъ истинное духовное благо христіанъ. Преосвященный Іоаннъ провозгласилъ заздравныя пожеланія отъ всѣхъ Архипастырю, какъ общему всѣхъ насъ Наставнику и Отцу, мудрому руководителю въ благихъ дѣлахъ и начинаніяхъ нашихъ.

Замѣтка о введеніи въ духовныхъ семинаріяхъ преподаванія начальной медицины. Не такъ давно въ нѣкоторыхъ газетахъ сообщалось, въ видѣ слуха, извѣстіе, будто существуетъ предположеніе вновь ввести въ духовныхъ семинаріяхъ преподаваніе народной медицины, о чемъ въ свое время было упомянуто и въ „К. Еп. Вѣд.“. Нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ сочли умѣстнымъ высказаться съ своимъ мнѣніемъ по этому предмету, и именно въ томъ смыслѣ, что было бы весьма желательно, чтобы упомянутый слухъ оправдался. Мотивы, приводимые въ подкрѣпленіе такого мнѣнія, конечно не новы и вообще однѣ и тѣже въ присланныхъ намъ замѣткахъ сельскихъ священниковъ. Въ замѣткѣ достопочтеннаго о. Гр. Шиманскаго, говорящаго нѣсколько обстоятельнѣе о данномъ предметѣ, указывается прежде всего на то, что лѣченіе недуговъ не только душевныхъ, но и тѣлесныхъ приличествуетъ пастырю церкви, какъ служителю Господа Іисуса Христа, Врача душъ и тѣлесъ, Который, во время земной жизни своей, милосердо призрѣвалъ и на тѣлесныя страданія и болѣзни людей и врачевалъ ихъ своею чудотворною силою. Въ ликѣ святыхъ Божіихъ из-

вѣстны такіе, которые почти всю жизнь свою посвящали врачеванію болѣющихъ и страждущихъ, и, воспомоществуемые въ своемъ св. подвигѣ силою благодати Божіей, не чуждались и естественныхъ врачебныхъ средствъ. Обращаясь затѣмъ къ настоящему быту сельскихъ священниковъ, авторъ замѣчаетъ, что имъ часто приходится видѣть всю безпомощность поселянъ во время болѣзней. Врачей по селамъ, деревнямъ, часто и мѣстечкамъ почти нѣтъ. Есть, правда, врачи уѣздные, врачи земскіе. Но когда бываютъ они, особенно первые, въ селахъ уѣзда? Бываютъ только или при вскрытіи труповъ людей, скоропостижно умершихъ, или же при появленіи, точнѣе говоря, при сильномъ развитіи въ какомъ либо селѣ эпидеміи, или же наконецъ тогда, когда кто искалѣчитъ кого или прибьетъ до полусмерти, и присутствіе врача требуется, чтобы вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ констатировать фактъ уголовнаго преступленія. Попадаются, конечно, вольнопрактикующіе врачи, но они не по средствамъ поселянъ, потому что сверхъ подводы требуется для нихъ плата, примѣрно до 6 р. отъ 20 верстъ проѣзда къ больному. Вѣроятно, и не вездѣ и не всегда такъ бываетъ, какъ утверждаетъ о. Шиманскій, но недостатокъ врачей въ нашихъ селахъ—фактъ признаваемый и другими священниками, признаваемый и всѣми. Есть, правда, фельдшера, служащіе тамъ и сямъ по волостямъ. Но фельдшера эти, какъ утверждаетъ авторъ той же замѣтки, очень часто просто самоучки. Въ замѣткѣ приводятся примѣры фельдшеровъ—солдата, служившаго при военномъ ветеринарѣ и лѣчившаго людей похоже какъ и скотину, мальчика, служившаго прежде у доктора, еврея—самоучки, о лѣченіи котораго разсказывается слѣдующее: прописалъ онъ больному крестьянину мушку къ затылку и микстуру для внутренняго употребленія, и, не разъяснивъ хорошенько назначенія лѣкарствъ, уѣхалъ на шабашъ. Крестьянинъ мушку съѣлъ, а къ затылку приложилъ примочку изъ микстуры. Отъ боли несчастный заревѣлъ, какъ волъ. Только приспѣвшій, по приглашенію священника, врачъ спасъ больнаго, давши ему сильное рвотное. При такомъ недостаткѣ врачей и свѣдущихъ фельдшеровъ, много могли бы помогать крестьянамъ ихъ сельскіе пастыри, тѣмъ болѣе, что къ нимъ они имѣли бы довѣріе болѣе, чѣмъ къ фельдшерамъ, чѣмъ даже къ врачамъ, такъ что совѣты и предписанія врача могли бы имѣть болѣе дѣйствія на поселянъ, подкрѣпляемые внушеніями священниковъ. Конечно, врачей священники не могутъ замѣнить; но, во многихъ случаяхъ, они могли бы быть полезнѣе фельдшеровъ, даже и вообще восполнить недостатокъ врачебной помощи. Необходимо только, чтобы они имѣли нѣкоторую подготовку, а это возможно при возстановленіи въ семинаріяхъ преподаванія народной медицины. Не грѣхъ было бы, замѣчаетъ авторъ, если бы для этого предмета взято было хоть по одному часу изъ назначенныхъ на преподаваніе древнихъ языковъ. Тотъ краткій курсъ медицинскаго образованія, какой желателенъ для будущихъ священниковъ, выработали бы конечно врачи спеціалисты, бывшіе врачами въ селахъ. Но желательно было бы, чтобъ въ этотъ курсъ входили свѣдѣнія по народной гигіенѣ, фармакологіи и рецептурѣ, какъ выражается авторъ замѣтки. Желательно, чтобы священники, получившіе въ семинаріяхъ такое образованіе, имѣли право писать рецепты, по крайней мѣрѣ такое, какимъ по праву или не по праву пользуются фельдшера, тѣмъ болѣе, что послѣдніе подъ часъ не затрудняются писать рецепты на весьма сильныя лѣкарства, и бываетъ, что аптеки, даже въ Кіевѣ, выдаютъ лѣкарства по такимъ рецептамъ. Предоставляя другимъ судить о цѣлесообразности подобныхъ заявленій со стороны сельскихъ священниковъ, припомнимъ кстати, что если въ сужденіяхъ о желаемой для насъ учебной системѣ и учебныхъ курсахъ руководятся мнѣніями изъ запада, то тамъ можно найти примѣръ, что существовавшее нѣкогда въ нашихъ семинаріяхъ преподаваніе элементарной медицины одобрялось, какъ полезное, одобрялось напр. тѣми изъ протестантскихъ пасторовъ, которымъ такъ или иначе довелось ознакомиться съ учебнымъ курсомъ нашихъ семинарій.

Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевской Духовной Академіи въ августѣ 1880 года и общій составъ учащихся въ ней къ сентябрю сего года.

Къ пріемному испытанію въ Академіи въ настоящемъ году явились 27 воспитанниковъ по назначенію семинарскихъ правленій и 34 по собственному желанію, всего 61 изъ 24-хъ разныхъ семинарій, именно: Волынской—13 (5 назнач. и 8 волонт.), Кіевской—8 (всѣ волонтеры *), изъ ко-

*) Въ настоящемъ году изъ Кіевской Духовной Семинаріи не было воспитанниковъ по назначенію Правленія ея потому, что, по общему порядку преобразованія семинарій, въ нынѣшнемъ году приходится въ Кіевской Семинаріи выпускъ слабыхъ воспитанниковъ.

ихъ 6 воспитанниковъ прежнихъ выпусковъ, а 2 нынѣшняго выпуска), Тамбовской—5 (всѣ по назначенію), Рязанской—4 (назначен.), Пензенской—3 (назн.), Полтавской—3 (2 по назн. и 1 волонт.), Тульской также 3 (1 назнач. и 2 волонт.), Орловской—2 (назнач.), Калужской и Минской по 2 (1 назнач. и 1 волонт.), Курской и Саратовской также по 2 (волонт.), Холмской, Харьковской и Черниговской по 1 (назнач.) и за тѣмъ изъ Подольской, Кишиневской, Одесской, Екатеринославской, Могилевской, Владимірской, Астраханской, Тифлисской и Кавказской (въ г. Ставрополѣ) по 1 волонтеру. Всѣ они—дѣти священно-церковно служителей; 56 имѣютъ отъ 20 до 25 лѣтъ отъ роду, а изъ остальныхъ 5 одинъ имѣетъ только 19 лѣтъ, а четверо болѣе 25 лѣтъ: 26, 27, 31 и 32. Послѣднія лѣта принадлежатъ друмъ священникамъ. Воспитанники назначенные въ Академію семинарскими правленіями, всѣ окончили курсъ въ текущемъ 1880 году; изъ 34 волонтеровъ половина окончила курсъ въ томъ же году, а изъ остальныхъ 17 окончили курсъ ученія семинаріи: 12 въ 1879 г., по одному въ 1878, 1877, 1875, 1873 и 1871 годахъ. Изъ этихъ 17 воспитанниковъ прежнихъ выпусковъ семинарій 15-ть состояли на службѣ, именно: 2 священниками, 4 псаломщиками, 4 учителями дух. училищъ, 1 надзирателемъ дух. училища, 3 учителями сельскихъ школъ и 1 учителемъ церковно приходской школы.

Съ 18 августа по 27 включительно произведено повѣрочное испытаніе—и письменное на три темы (богословскаго, философскаго и литературнаго содержанія) и устное по четыремъ предметамъ (догматическому богословію, церковной исторіи, логикѣ и одному изъ древнихъ языковъ—греческому или латинскому). Изъ волонтеровъ, заявившихъ желаніе держать повѣрочныя пріемныя испытанія, 1 вовсе не явился на оныя, 2 только начали, но не продолжили ихъ, и 58 лицъ окончили всѣ испытанія письменныя и устныя. Изъ нихъ, по неудовлетворительности балловъ, не приняты въ Академію пять волонтеровъ (1 волонтеръ изъ Волынской сем., бывшій псаломщикомъ, и 4 волонтера изъ Кіевской семинаріи, изъ коихъ 2 состояли учителями дух. училищъ, 1 учителемъ народной сельской школы и 1 окончилъ курсъ въ семъ 1880 году), а 52 лица, окончившихъ испытанія удовлетворительно *), Совѣтомъ Академіи 28 августа приняты въ составъ студентовъ 1 курса, изъ которыхъ 41 зачислены на казеннокоштныя вакансіи (26 штатн. и 15 добавочн.), 3 студента на юбилейныя стипендіи, по Высочайшему повелѣнію учрежденныя въ 1869 году по случаю 50-лѣтія Академіи на счетъ духовно-учебнаго капитала, и 1 студентъ (изъ воспитанниковъ Кіевской сем.) на лаврскую стипендію: слѣдовательно предоставлено пособіе 45 воспитанникамъ,—такимъ, которые оказались лучшими по повѣрочному испытанію. Въ это число вошли 24 воспитанника изъ прибывшихъ въ Академію по назначенію начальства и 21 явившихся по собственному желанію. Остальнымъ 7-ми принятымъ въ Академію воспитанникамъ (3 назнач. и 4 волонт.), хотя выдержавшимъ испытанія удовлетворительно, но съ меньшимъ сравнительно успѣхомъ, предоставлено проходить академическій курсъ на своемъ содержаніи. Сверхъ того принятъ въ число своекоштныхъ студентовъ одинъ священникъ изъ Грузіи (Горійскаго уѣзда Тифлисской губ.). Хотя онъ имѣетъ одинъ неудовлетворительный баллъ и не держалъ испытанія по древнимъ языкамъ, но принятъ Совѣтомъ въ Академію по снисхожденію къ особымъ обстоятельствамъ его, какъ грузина и окончившаго курсъ въ Тифлисской Дух. Семинаріи до преобразованія, когда въ ней не преподавались древніе языки.

Такимъ образомъ оказывается, что въ настоящемъ году окончили всѣ повѣрочныя испытанія и приняты въ число студентовъ Академіи столько же лицъ, сколько и въ предыдущемъ году, т. е., 58 и 53. Но въ прошломъ году всѣхъ явившихся къ пріемному экзамену было 66, а нынѣ 61, менѣе на 5 человѣкъ; слѣдовательно нынѣшній пріемъ нѣсколько удачнѣе прошлогодняго.

Принятые въ 1-й курсъ 53 студента распредѣлились по тремъ отдѣленіямъ Академіи такъ: въ Богословское Отдѣленіе записались 16, въ Церковно-историческое Отдѣленіе 19 и въ Церковно практическое Отдѣленіе 18.—На изученіе новыхъ языковъ записалось: нѣмецкаго 42, французскаго 11 и англійскаго 5. Изъ сихъ послѣднихъ въ тоже время записались 4 на нѣмецкій языкъ и 1 на французскій.

*) Въ этомъ числѣ значатся двое бывшихъ посторонними слушателями лекцій въ Академіи въ минувшемъ учебномъ году, изъ коихъ одинъ студентъ Кишиневской семинаріи, а другой священникъ сельскій изъ студентовъ Кіевской семинаріи.

За укомплектованіемъ 1 курса въ Академіи къ началу 18⁸⁰/₈₁ учебнаго года состоитъ всѣхъ студентовъ 166, которые по курсамъ распредѣляются такъ: въ 1 курсѣ, какъ выше показано, 53 студента, во II курсѣ 49, въ III курсѣ 30 и въ IV курсѣ 34.—Изъ 166 студентовъ Академіи 144 состоятъ на казенномъ содержаніи, 12 на разныхъ стипендіяхъ и 10 своекоштныхъ. Изъ упомянутыхъ 12 стипендій 9 казенныхъ, назначенныхъ изъ духовно-учебнаго капитала, (именно 7 юбилейныхъ, по Высочайшему повелѣнію въ 1869 году учрежденныхъ по случаю 50—лѣтія Академіи, и 2 стипендіи, особо назначенныхъ студентамъ—иностранцамъ изъ южныхъ славянъ) и 3 частныхъ (Лаврская, Арсеніевская и Варваринская) каждая по 200 р. Затѣмъ остаются свободными 3 юбилейныя стипендіи (казенныя), которыя имѣютъ быть замѣщены по приемѣ въ августѣ 1881 г. студентами 1 курса, и 2 стипендіи Кіевскаго городскаго Общества каждая въ 250 р., назначенныя имъ для Академіи по случаю юбилея ея въ 1869 г. для тѣхъ лицъ изъ этого общества, которыя пожелаютъ получить богословское образованіе въ Академіи. Со времени учрежденія сихъ двухъ стипендій только одинъ студентъ изъ Кіевскихъ мѣщанъ воспользовался таковою стипендіею; за истекшее десятилѣтіе еще никто изъ Кіев. городскаго Общества не являлся въ Академію. *И. И.*

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ ВЪ МАЛОРОССІИ.

(Со словъ сельской бабки) *).

(Продолженіе).

„*Мара*".—Существо, разумѣемое подъ этимъ названіемъ, мало извѣстно въ образованныхъ классахъ. Правда, нерѣдко приходится слышать въ рѣчахъ людей, стоящихъ близко къ простолюдію, слово *мара*, употребляющееся обыкновенно въ насмѣшкахъ надъ безобразными лицами; но все же—понятіе, сказывающееся подъ этимъ словомъ, остается для каждаго неуловимымъ. Мы нашли возможнымъ точно изслѣдовать характеръ „мары", о которой даже въ самомъ народѣ имѣются не совсѣмъ ясныя понятія. Крестьяне олицетворяютъ въ „марѣ" необычайную смертность. Гробовой вампиръ и „мара" по своей природѣ мало чѣмъ разнятся и даже сходны въ цѣляхъ. Единственное между ними то различіе, что вампиръ получилъ свое начало въ зародышѣ человѣка, а „мара" въ человѣческихъ трупахъ, именно: она образуется изъ самоубійцъ, погребенныхъ въ полѣ, и, какъ мы уже прежде сказали, изъ семилѣтнихъ *потырчатъ*, не нашедшихъ крестовъ во время своего полета въ поле.

Изъ всѣхъ разсказовъ о „марѣ" можно вывести слѣдующую опредѣленную объ ней исторію.

„Мара" живетъ въ поляхъ и садахъ; въ поляхъ на перекресткахъ дорогъ собственно тамъ, гдѣ погребены самоубійцы, а въ садахъ—въ могилахъ некрещенныхъ дѣтей. Обыкновенно она разгуливаетъ ночною порою по проѣзжимъ дорогамъ и улицамъ деревень, ища случая кого нибудь сбить съ пути и завесть въ непроходимыя мѣста; нападаетъ на уснувшихъ въ полѣ пастуховъ, взваливаясь на нихъ цѣлою копною, или тяжелымъ и страшнымъ звѣремъ. „Мара" не боится креста и молитвъ. Прямое средство противъ ея козней—взяться за лѣвый мизинецъ,—чрезъ нѣсколько минутъ она удалится. Кто, перепугавшись, обращается въ бѣгство, того „мара" заводитъ въ незнакомыя мѣста и такъ отуманиваетъ умъ и глаза его, что какія-нибудь ничтожныя заросли кажутся лѣсомъ, а малая долинка оврагомъ. Заблудившіеся ночью только тогда находятъ свою дорогу, когда припомнятъ, какого дня былъ праздникъ Р. Х. Всю ночь за ними слѣдитъ какой-то мальчикъ, часто подбѣгающій къ нимъ съ хохотомъ. Всплеснувъ руками, онъ то изчезаетъ, то опять появляется изъ тьмы. Оглядываться назадъ не совѣтуютъ. По стопамъ блуждающихъ идетъ высокая бѣлая человѣческая фигура, или же сунется огромная копна, готовая обрушиться на оглянувшагося. Въ рвахъ и на межевыхъ границахъ никто не ложится ночевать. Всякій, рѣшившійся въ этихъ мѣстахъ обночевать, бываетъ снесенъ въ болотистый лугъ или въ оврагъ.

Прямое назначеніе „мары"—быть орудіемъ смерти въ время страшныхъ эпидемій. Обстановку необычайной смертности изображаютъ слѣдующимъ образомъ.

Когда народъ сильно прогнѣвитъ Господа, тогда «мара», исполняя волю свыше, подобно птицѣ подымается съ поля и летитъ въ развращонное село. Сопровождая холеру, чуму и т. п. болѣзни, она выступаетъ въ село подъ видомъ нищаго, не заходящаго съ молитвами въ домъ и скоро скрывающагося. Затѣмъ какой-то крошечный младенецъ, повитый пеленою, на виду у всѣхъ неоднократно проносится по воздуху вдоль рѣки и огородовъ. Вокругъ селенія

---

*) См. № 37.

днемъ и ночью начинаютъ рыскать какіе-то ужасные звѣри, наводящіе панику на сельскихъ жителей. Вслѣдъ за этими явленіями открывается убійственный моръ. Все, чѣмъ человѣкъ живетъ, отравляется смертнымъ дыханіемъ «мары». Смертность также быстро стремится, какъ наводненіе. Пустѣютъ хаты; длинной вереницей тянутся гроба на кладбище; нѣкому оплакивать умершихъ, такъ какъ сродники и пріятели всѣ похищены неумолимою «марою» И въ лѣсахъ спасенья нѣтъ. Кто скроется въ лѣсу, «мара» и тамъ найдетъ его. И случайный прихожій, пораженный ею, падаетъ безжизненъ, какъ колосъ сбитый, не успѣвъ послать въ душѣ роднымъ привѣтъ процальный. Грустенъ видъ села. «Живой души не видно.» Жалобно мычитъ скотъ, чувствуя горе своихъ хозяевъ. Стаи филиновъ, Богъ вѣсть откуда налетѣвшихъ, по цѣлымъ ночамъ напѣваютъ въ угоду «марѣ» свое зловѣщее *похованъ*. Въ довершеніе печальной картины, масса черныхъ вороновъ, неизбѣжныхъ спутниковъ «мары», слетается въ пораженное село, будто на пиръ какой нибудь, и своимъ неугомоннымъ карканьемъ, вѣрнымъ предвѣстникомъ ужасовъ смерти, еще болѣе опечаливаетъ измученную душу. Но когда пройдетъ по границамъ села волшебный плугъ перворожденныхъ черныхъ быковъ, всѣ ужасы несчастія изчезаютъ, а устрашенная «мара» бѣжитъ въ свои могилы на перекрестахъ дорогъ.

Смерть.—Существо изъ горняго міра, слуга Господня, смерть по волѣ Господа усѣкаетъ странниковъ, грядущихъ по тернистому пути сей жизни. Глубоко—печальная, она вѣчно странствуетъ между раемъ и землей, между жилищами Бога и страждущихъ людей. У нея бѣлое, какъ снѣгъ, лицо и длинные сѣдые волосы. Туловище не показывается, но только голова, плавающая въ воздухѣ. Есть смерть мужеская и женская, для дѣтей и велико-возрастныхъ. Больной немедленно умираетъ, если смерть останавливается у его изголовья. Отсюда происходитъ малороссійская поговорка: *круты, не вэрты, треба умэраты*, принадлежащая одному доктору, пробовавшему увернуться отъ смерти. Онъ былъ тяжко боленъ. Когда смерть остановилась у его изголовья, онъ велѣлъ поворотить свою кроват такъ, чтобы быть ногами къ смерти, но смерть опять пришла къ его изголовью. Докторъ нѣсколько разъ поворачивалъ свою кровать, но все безуспѣшно. Тогда онъ безпрекословно сдался на капитуляцію, предварительно произнесши поговорку: *круты, нэ вэрты треба умэраты*. Если смерть подойдетъ къ ногамъ, а не къ головѣ больнаго, то можно навѣрняка надѣятся на его выздоровленіе. Когда смерть имѣетъ нужду немедленно видѣть Господа, она для легкости дѣлается весьма маленькой и быстро, какъ птичка, летитъ въ рай. И это повѣрье послужило поводомъ къ происхожденію анекдота, въ которомъ разсказывается, какъ одинъ солдатъ, служившій привратникомъ въ раю, поймавъ смерть въ то время, когда она прилетѣла въ рай, носилъ ее три года въ табакеркѣ и наконецъ закопалъ въ землю. Анекдотъ въ подробностяхъ нѣкоторымъ образомъ не лишенъ юмора и отчасти кощунственъ.

Изображеніе смерти въ видѣ человѣческаго скелета, носящаго косу, какъ книжное произведеніе, мало имѣетъ мѣста въ народной фантазіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ смерть представляютъ во образѣ старой бабы, носящей на плечахъ цѣпи. За нею ходятъ болѣзни родомъ изъ разныхъ городовъ. Повѣрья объ умершихъ людяхъ выражаются въ сказаніяхъ о существахъ, извѣстныхъ подъ именемъ вампира, мары и русалокъ.

Русалки.—Въ началѣ нашей статьи мы сказали, что мертворожденныя и некрещенныя дѣти причисляются къ русалкамъ, и затѣмъ пояснили въ выноскѣ, что въ приходѣ, изъ котораго почерпаются настоящія свѣдѣнія, русалки называются *потырчатами*. Это была ошибка. Дѣйствительное понятіе простонародья о русалкахъ и «потырчатахъ» слѣдующее. «Потырчата»—мертворожденныя и умершія некрещенныя дѣти, а русалки—крещенныя дѣти женскаго пола, умершія до совершеннолѣтняго возраста. Четвергъ ѳоминой недѣли называется пасхой русалокъ, или *навскимъ великоднемъ*, а первый день петровки—святками или *розыграми* ихъ. Розыгры почему то называются еще *рѣдькой*. Такимъ образомъ выходитъ, что праздники мертвыхъ бываютъ десятью днями позже праздниковъ живыхъ людей. Во весь годъ, кромѣ указанныхъ праздниковъ, русалки покоятся въ могилахъ глубокимъ сномъ. Въ „навскій великъ-день“ и «розыгры» Господь отворяетъ могилы, будитъ спящихъ и пускаетъ ихъ на прогулку. Тѣ *навки* или русалки, которыя слишкомъ оплаканы, выходятъ изъ могилъ въ мокрой одеждѣ, едва расправляя свои члены; но имѣющія сухую одежду чрезвычайно весело рѣзвятся. Цѣлый день въ воздухѣ слышится хохотъ, крикъ и пѣніе. Какая чудная картина, когда на зеленыхъ святкахъ веселая вереница красивыхъ русалокъ мчится вдоль полей, въ волнующейся ржи! Только тѣ бѣдняжки остаются рыдать въ могилахъ, которыхъ худо нарядили. Вечеромъ онѣ приходятъ въ дома своихъ родителей

и проклинаютъ ихъ за скупость. Послѣ вскрытія дѣвицъ кладутъ имъ другую одежду въ гробъ. Въ «навскіе» праздники не ходятъ на кладбища и поля, ничего не работаютъ, но проводятъ все время за дружной выпивкой. Кто работаетъ въ «навскій великъ-день», у того образуется въ тѣлѣ «навская косточка», а работающіе на розыгры бываетъ умерщвляемы русалками.

Малороссійскіе похороны не менѣе всякаго другаго событія обилуютъ повѣрьями; но въ нихъ есть и свѣтлыя стороны, на которыя мы сей часъ же укажемъ.

Мы съ особымъ удовольствіемъ отмѣтимъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ простолюдинъ усердно заботится о вполнѣ христіанской встрѣчѣ смертнаго часа. Не какая-нибудь форма, не какой нибудь страхъ быть по смерти вскрыту движутъ умирающаго къ исповѣди и св. причастію; его побуждаетъ къ этому дѣтская, неиспорченная, если можно выразится, святая вѣра въ Бога. Да, въ этомъ отношеніи честь нашему простолюдину. Затѣмъ обратимъ вниманіе на то, какъ онъ торжественно и благоговѣйно вступаетъ въ предѣлъ будущей жизни. „Тамъ Богъ и Ангелы святые встрѣчаютъ всякаго благочестиваго пришельца; я долженъ,—говоритъ больной,—войти въ обитель Господа съ зажженною восковою свѣчей. И дѣйствительно умирающему даютъ въ руки зажженную восковую свѣчу, горѣвшую во время отправленія Страстей Господнихъ. Окружающая его семья, устремивъ взоры въ лики иконъ, тихо, съ благоговѣйною покорностію волѣ небесъ, молится о блаженномъ упокоеніи странника, окончившаго свой многотрудный путь, и самъ онъ, если еще въ силахъ, съ трудомъ шевелитъ изсохшими устами, силясь послѣдній разъ воздать славу и благодареніе своему Создателю,—кончина по истинѣ христіанская! Тѣмъ временемъ смерть, какъ неумолимый судья, быстро и безпощадно казнитъ свою избранную жертву. Протяжный трескъ костей, одинъ и другой тяжелый вздохъ, наконецъ ужасный зѣвъ—и казнь совершена. Неожиданный пронзительный плачъ семьи оповѣщаетъ сосѣдей о кончинѣ страдальца и всѣ—враги ли, пріятели его—усердно молятся, прося Божіяго милосердія къ виновному собрату, не разъ, быть можетъ, тяжко оскорблявшему Господа. Земные счеты съ умершимъ предаются забвенію.

Сидѣлка между тѣмъ спѣшитъ исполнить свою обязанность. Въ моментъ, когда смерть кончаетъ жертву, старушка ложитъ пальцы на опущенныя вѣки умирающаго и держитъ ихъ неподвижно по возможности долгое время. Въ этомъ дѣлѣ ею руководитъ не та простая естественная мысль, что покойнику опускаютъ вѣки для того, чтобы его лицо не представляло большаго безобразія; напротивъ она думаетъ, что этимъ она какъ-бы ослѣпляетъ его, такъ какъ испытано-де, что покойникъ съ опущеными вѣками не ходитъ по деревнѣ,—слѣпцу ходить трудно, ходятъ только зрячіе мертвецы. Съ этимъ соединено еще и другое не менѣе странное повѣрье: если у покойника одинъ глазъ открытъ, скоро въ селѣ будетъ новый мертвецъ. Когда вѣки умершаго совершенно охладѣли и правильно улеглись на глазахъ, старуха распоряжается о посылкѣ кого-нибудь на колокольню воздать послѣднюю честь усопшему звономъ во всѣ колокола. Къ сожалѣнію и этотъ благочестивый примѣръ почитанія усопшихъ смѣшанъ съ дикимъ предразсудкомъ все того же рода. Если послѣ звона долго продолжается гулъ колоколовъ, скоро въ селѣ будетъ новый мертвецъ.

Воду, которою обмываютъ покойника, всегда уносятъ въ рѣчку, полагая, что эта мѣра приноситъ большое облегченіе душѣ умершаго. Снятое съ него бѣлье отдаютъ при случаѣ нищему.

Наряды умершихъ бываютъ различны, смотря потому, кого наряжаютъ. Дѣти и всѣ лица, не вступавшіе въ бракъ, наряжаются въ брачную одежду. Приготовляютъ даже такъ называемый коровай (свадебный куличъ), который несутъ на кладбище на крышѣ гроба и по окончаніи погребенія раздѣляютъ дѣтямъ, обычай, служащій во время эпидемій хорошимъ проводникомъ заразы. Бывшихъ въ бракѣ опоясываютъ красными поясами и съ праваго боку привязываютъ имъ платки. Для того, чтобы они „снова не вступили въ бракъ", имъ крѣпко на крѣпко завязываютъ воротники въ рубахахъ, тогда какъ у не вступавшихъ въ бракъ это вовсе не дѣлается. Беременной женщинѣ ложатъ въ гробъ чистую рубаху, пеленки и повивачъ „для удовлетворенія ея нуждъ послѣ родовъ". Повитуха послѣ смерти „по прежнему будетъ помогать родильницамъ"; для этого ей привязываютъ спереди платокъ, чтобъ было чѣмъ отирать мокрыя руки.

Наряженнаго покойника полагаютъ на „лаву" (простая скамья вдоль правой стѣны горницы), а если онъ дитя—на столъ. Внимательный наблюдатель замѣтитъ, что подъ изголовьемъ покойника лежитъ серпъ, назначеный для отгнанія отъ него злыхъ духовъ. Желѣзо на похоронахъ въ такомъ же ходу, какъ и на крестинахъ. Простолюдинъ всегда обращается къ желѣзу тамъ, гдѣ требуется сила для от-

гнанія злыхъ духовъ. Мертвецовъ отгоняютъ также желѣзомъ. Пусть мертвецъ ходитъ въ домъ, каждую ночь на воротахъ будутъ полагать что нибудь желѣзное, пока не прошенный гость не удалится восвояси.

Нарядивъ покойника, комнату наполняютъ парами воска и дымомъ сожженыхъ васильковъ. Затѣмъ семья и родственники окружаютъ умершаго и безъ отдыха оплакиваютъ его до прихода священника. Плачъ обыкновенно изобилуетъ или сожалѣніемъ о потерѣ милаго существа, или жалобами на лишеніе помощника въ хозяйствѣ; въ немъ слишкомъ проглядываетъ чувственный взглядъ на загробную жизнь. Бываютъ къ сожалѣнію очень частые примѣры, что покойниковъ лицемѣрно оплакиваютъ, ради формы, лишь бы люди не судили за то, что бѣднягу выряжаютъ на тотъ свѣтъ безъ горести. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда умираютъ старики—лишніе потребители въ семьѣ, слуга—родственникъ, безмездно поработавшій своимъ хозяевамъ. Но большинство простолюда рыдаетъ искренно, и это будетъ въ упрекъ тѣмъ невѣждамъ, которые никакъ не могутъ перемѣнить свой отсталый взглядъ на простонародье, какъ на скотъ. Этотъ взглядъ упорно еще держится въ средѣ многихъ сельскихъ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ дворянъ мелкаго пошиба, не усвоившихъ или даже незнающихъ европейскихъ идей о гуманности. На сколько несостоятеленъ этотъ взглядъ, я укажу, какъ на особый примѣръ, на одного извѣстнаго мнѣ крестьянина, слывшаго за самаго черстваго человѣка. У него умеръ трехлѣтній мальчикъ. Къ изумленію всѣхъ означенный крестьянинъ такъ разрыдался на погребеніи, что надо было успокоивать его. Удивясь, потому что и я былъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мнѣнія о немъ, какъ о черствомъ человѣкѣ, я нарочно поинтересовался узнать отъ него же, зачѣмъ онъ такъ горько рыдаетъ. Удовлетворяя моему любопытству, онъ отвѣтилъ: „Какъ мнѣ не плакать, когда мой милый сынъ бывало обцѣлуетъ и обласкаетъ меня, когда я прийду съ работъ домой; о, какъ мнѣ не плакать, какъ мнѣ не плакать"! Говоря эти слова, крестьянинъ опять разразился рыданіями. Меня поразила такая изумительная нѣжность сердца подъ кажущеюся ледяною оболочкою этого человѣка. Что же теперь сказать о тѣхъ людяхъ, которымъ подобная нѣжность „*скотины*"—мужика постоянно присуща?....

Какъ ни дорогъ сердцу умершій ближній, какъ ни желательно было бы подольше имѣть предъ глазами его останки, однако сила необходимости требуетъ предать тѣло землѣ. При наступленіи этой неотступной нужды, собравшись съ духомъ, отправляется убитый горемъ крестьянинъ къ своему пастырю. Еслибы не давящій вопросъ о денежномъ вознагражденіи священника, съ какою охотою шелъ бы онъ въ пастырскій домъ, надѣясь тамъ получить отрадное успокоеніе Но, обыкновено, одна досада не бываетъ безъ другой.... Впрочемъ не наше дѣло рисовать сцены, гдѣ вступаютъ въ борьбу съ одной стороны горе и нищета, а съ другой вопросъ о средствахъ къ существованію. Тяжело смотрѣть, какъ часъ за часомъ изъ-за денежныхъ вопросовъ разрушается сердечная связь духовныхъ дѣтей съ ихъ отцами. Желательно бы.... Но намъ ли изъ нашихъ убогихъ норекъ взывать къ великимъ людямъ о даровании намъ великихъ реформъ?

Какая бы сцена не произошла передъ похоронами, чѣмъ бы ни поплатился мужичекъ, или чего бы не достигъ священникъ, однако этотъ послѣдній является къ исполненію своихъ обязанностей. Мы послѣдуемъ за нимъ. Онъ входитъ въ тѣсное помѣщеніе, биткомъ набитое народомъ. Покойникъ на лавѣ, жаръ невиносимый. Сильно несетъ запахомъ разложенія; крупный потъ виситъ на лицахъ зрителей. Рой мухъ съ особымъ усердіемъ всасывается въ глаза и ротъ покойника, а за тѣмъ, какъ бы желая подѣлиться лакомствами, садится на рты зрителей. Какъ-то неохотно горитъ восковая свѣча, вставленная въ пшеницу, наполняющую горшокъ, стоящій у изголовья усопшаго. Куча дѣтей, стоя за столомъ на лавѣ подъ образами, смотритъ на вошедшаго священника, какъ на диво, и въ тоже время, возвышаясь надъ толпою, наиболѣе поглощаетъ заразительныхъ міазмовъ. На полкѣ надъ покойникомъ положены горячіе хлѣбы и свѣжеизжаренные куры. При взглядѣ на эти вещи становится какъ-то не по себѣ, тѣмъ болѣе, какъ вспомнить, что послѣ погребенія навѣрнякa прийдется отвѣдать ихъ священнику, такъ какъ, можно сказать, по допотопному обычаю священникъ почти обязанъ послѣ погребенія зайти къ крестьянину, у котораго похороны, на домъ служитъ панихиду и обѣдать вмѣстѣ съ нищими. О религіозности этого обычая нечего и говорить—онъ полезенъ, какъ случай большаго сближенія прихожанъ съ священникомъ;—это разъ; другое—онъ есть урокъ милостыни и смиренія. Но подневольное употребленіе яствъ, зараженныхъ міазмами, можетъ всякаго отшатнуть отъ этого благочестиваго обычая. Въ этомъ отношеніи онъ положительно вреденъ и лучше бы уничтожить его, перенеся поминовеніе усопшаго на другое время.

Слишкомъ тяжелый воздухъ понуждаетъ священника спѣшить съ выносомъ тѣла; онъ поспѣшно освящаетъ гробъ и удаляется на подворье, на которомъ полукругомъ около носилокъ расположились люди со всѣми имѣющимися въ церкви хоругвами. По выходѣ причта начинается цѣлованіе покойника. Умри онъ отъ самой заразительной болѣзни, его перецѣлуютъ всѣ отъ мала до велика, объ осторожности никому и въ голову не прійдетъ Окончилось цѣлованіе—хозяева просятъ уложить покойника въ гробъ. Просьба повторяется нѣсколько разъ и каждый разъ остается безполезна. Здѣсь кроется своего рода курьезная причина, о которой мы скажемъ ниже. Прежде замѣтимъ, что уложить въ гробъ малолѣтнихъ умершихъ не составляетъ для хозяевъ никакихъ предразсудочныхъ затрудненій. Тотчасъ какъ наступитъ время улагать дитя, сидѣлка, поблагословивъ и поцѣловавъ его, бережно поднимаетъ со стола и укладываетъ малютку въ гробикъ головкой между свадебныхъ вѣнковъ и освященныхъ травъ. Но съ взрослыми покойниками это не такъ-то легко удается. Сколько бы не ублажали разныхъ Охоновъ да Тымковъ, тѣло ни на одинъ шагъ не подвигается въ гробъ. Употребивъ всѣ усилія просьбъ, хозяева наконецъ обращаются за содѣйствіемъ къ священнику. Этотъ узнаетъ въ чемъ дѣло. Ему объясняютъ, что поднятіе покойника со скамьи вредно для поднимающихъ въ томъ отношеніи, что все, чтобы они не посадили или не посѣяли, никогда не взойдетъ; даже сало съ убитаго ими кабана непремѣнно испортится. Ясное дѣло, при существованіи подобнаго суевѣрія, просьба мало можетъ имѣть вліяній; нуженъ строгій выговоръ и энергическая настойчивость, въ противномъ случаѣ придется постоять подъ палющими лучами солнца не менѣе полчаса, пока кто не надумается пособить горю.

Предъ выносомъ тѣла необходимо тщательно осматривать гробы. Родичи слишкомъ заботятся о томъ, чтобы покойникъ не нуждался на томъ свѣтѣ въ самой любимѣйшей его провизіи. Подъ изголовьемъ можно найти водку и табакъ съ принадлежностями трубокурства. Я заключаю это изъ того, что при рытіи гробовъ часто отрываютъ подобныя вещи. Мужикамъ ложатъ шапки, повитухамъ и *вѣдьмамъ* вишневыя розги. Для чего нужны вѣдьмамъ розги, мы уже сказали въ статьѣ о вѣдьмахъ. Бабкамъ же они нужны изъ слѣдующихъ разсчетовъ. Не всѣ „внуки“ (принимаемыя бабкой дѣти) носятъ имъ въ великіе праздники гостинцы, состоящіе изъ хлѣбовъ, куръ и, пожалуй, головныхъ платковъ. Вотъ этихъ то внуковъ повитухи и будутъ наказывать въ будущей жизни за такіе, болѣе чѣмъ смертные, грѣхи. Орудіемъ наказанія послужитъ вишневая вѣтка.— Непремѣнная принадлежность гроба до положенія въ него усопшаго—свердель, все для того же, чтобы бѣсъ не вошелъ въ гробъ. Изголовье для мертвеца состоитъ изъ подушечки, наполненной травами, освященными въ Духовъ день.

Обратимъ теперь вниманіе на выносъ покойника изъ хаты. Смотрите, три раза ударяютъ гробомъ о порогъ горницы и опять три раза о порогъ сѣней; покойникъ прощается съ роднымъ гнѣздомъ. Вслѣдъ гробу старуха сыпнула рожью: „не пойди, молъ, добро вслѣдъ за твоимъ хозяиномъ“. Сейчасъ же захлопнули дверь въ горницу и никого не впускаютъ и не выпускаютъ изъ хаты, имѣя въ виду не пуститъ обратно въ домъ лихое несчастіе. За гробомъ старушка несетъ подарки причту, хоругвеносцамъ и церкви. Каждому носильщику также есть подарокъ. Все это дешевыя разнокалиберные платочки. Наконецъ хозяинъ или кто-нибудь другой подноситъ священнику „сорокъ грошей на двадцать евангелій“ т. е. подобнымъ образомъ проситъ священника, чтобы онъ прочелъ надъ покойникомъ до кладьбища двадцать евангелій,—честь несравненно большая, чѣмъ градскому головѣ! Когда уже все заготовлено, шествіе открывается. Гудятъ колокола; за гробомъ крикъ; почти на каждомъ шагу священникъ останавливается читать евангеліе: процедура безконечно медленна.—Оглянемся на минуту на подворье. Смотрите, на воротахъ уже развивается красный поясъ—талисманъ, прогоняющій съ двора несчастіе. А тамъ кто-то вокругъ дома сыплетъ макъ, чтобъ покойникъ по ночамъ не безпокоилъ. Наконецъ взяли и крѣпко завязали поясомъ ворота, окончательно не желая дать покойнику возможности навѣстить родной очагъ.

Родственники покойника не могутъ несть его на своихъ плечахъ—мертвецъ будетъ вредить семьѣ. Мать не идетъ на кладбище за умершимъ первенцемъ, въ противномъ случаѣ она навсегда лишится способности рожать. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько уже слишкомъ безсмысленныхъ предразсудковъ. Если навстрѣчу печальному шествію ѣдетъ всадникъ или подвода, будетъ скоро новый мертвецъ.—Нельзя смотрѣть изъ окна на несомаго покойника—образуется косточка въ тѣлѣ любопытныхъ.—Необходимо во время погребальнаго шествія будить спящихъ дѣтей, или же вмѣсто этого ложитъ у изголовья цѣлущки хлѣба; равно никто не долженъ въ это время ѣсть.

Если въ селѣ есть покойникъ, нельзя свататься. Взявшие въ этотъ день бракъ скоро помрутъ. Какъ есть въ селѣ мертвецъ, никто не будетъ садить деревьевъ и огородины, а также заготовлять „варево“. Народившійся въ этотъ день ребенокъ умретъ.

Безконечное шествіе, слава Богу. оканчивается; мы уже на кладбищѣ. Опускаютъ покойника во гробъ. Никто не смѣетъ бросать въ яму землю. Кто это сдѣлаетъ, тотъ, слѣдовательно, желаетъ покойнику тяжкаго положенія подъ землею. Пусть это дѣлаютъ священники и гробокопатели, имъ не диво—они все равно народные враги. Кто, напримѣръ, желаетъ, чтобъ побольше умирало людей? священники и гробокопатели. Кто, напримѣръ, виноватъ, если село посѣтитъ холера? священники. *Они сдвигаютъ престолы съ цѣлію распространить въ народѣ смертность для пользы своего кармана.* Престолъ сойдетъ съ мѣста—и начинается „помирокъ“. Мало того, деря съ живыхъ и мертвыхъ, они въ концѣ концовъ пятнаютъ себя самою черною неблагодарностію, первые бросая комомъ земли въ скончавшагося горемыку. „Тяжко тебѣ было на этомъ свѣтѣ, пусть же тебѣ будетъ еще тяжче и на томъ свѣтѣ“,—говорятъ эти *рѣзуны*, когда ходятъ съ заступомъ вокругъ ямы. Сюрпризъ вполнѣ хорошій для сельскихъ священниковъ!

Въ первую ночь послѣ погребенія горитъ до свѣта вставленая въ пшеницу восковая свѣча. Для утоленія голода и жажды сидящей въ углу души ложатъ на столѣ цѣлушку хлѣба и ставятъ воду. Тотчасъ послѣ приготовляютъ „на покутѣ“ (правый и средній уголъ горницы) гнѣздо для души изъ освященныхъ въ духовъ день травъ. Цѣлыхъ девять дней душа насиживается въ этомъ гнѣздѣ, прощаясь съ роднымъ жилищемъ, а на одинацатый день идетъ въ гробъ навѣдаться къ своему тѣлу и костямъ поустроиться тамъ для удобнаго пребыванія до сороковаго дня. Въ сороковый денъ ангелы уносятъ ее въ домъ царя Давида на Божій судъ, а отсюда, если она грѣшна, бѣсы хватаютъ ее во адъ. Сообщеніе между могилой, раемъ или адомъ никогда не прекращаются для души. Она и ея тѣло постоянно связаны между собою, такъ что покойникъ не липенъ жизни и по прежнему продолжаетъ свою здѣшнюю дѣятельность. Загробная жизнь не избавляетъ его отъ нынѣшней суеты. Покойники имѣютъ сообщеніе и съ видимимъ міромъ. Они навѣщаютъ своихъ родственниковъ, свои жилища и поля, предварительно позволяясь на это у священниковъ. Приходя въ свои жилища, они дышутъ на родствениковъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе заболѣваютъ и умираютъ. Не разъ ихъ можно видѣть въ тѣни подъ заборами въ лунную ночь; не разъ они занесутъ что нибудь изъ кладбища домой—саванъ или крестикъ восковой. Ихъ можно прогнать желѣзомъ, осиновымъ коломъ, макомъ. Слишкомъ надоѣдающихъ мертвецовъ прибиваютъ осиновыми кольями. Мертвецы ходятъ съ полудня до полночи. Первое пѣнье пѣтуховъ приводитъ ихъ въ ужасъ. Большую часть ходящихъ мертвецовъ съѣдаютъ волки.

(Продолженіе будетъ).

С. А. Краснокутскій.

Диспутъ въ кіевской духовной академіи. 11 сентября, въ конгрегаціонной залѣ академіи, доцентъ академіи по каѳедрѣ патрологіи *К. Д. Поповъ* публично защищалъ свою диссертацію „*Тертулліанъ, его теорія христіанскаго знанія и основныя начала его богословія*“, представленную имъ для полученія степени магистра богословія и, по напечатаніи ея въ »Трудахъ Академіи«, вышедшую теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Диспутъ удостоилъ почтить своимъ присутствіемъ Высокопреосвященный митрополитъ, прибывшій ровно въ 11 чаеовъ,—время, назначенное для начала диспута. Академическая зала была почти вся наполнена посѣтителями изъ учебныхъ корпорацій академіи и семинаріи, изъ мѣстнаго духовенства и свѣтскихъ постороннихъ лицъ, въ числѣ которыхъ было довольно и дамъ. Предъ диспутомъ секретаремъ Совѣта Академіи Исаевымъ прочтено было обычное curriculum vitae, въ которомъ, между прочимъ, сообщено о прежнихъ ученолитературныхъ трудахъ диспутанта, послѣдовательно являвшихся въ печати, начиная съ кандидатскаго сочиненія его, написаннаго имъ при окончаніи курса въ здѣшней академіи и въ слѣдъ затѣмъ напечатаннаго въ академическомъ журналѣ и отдѣльною книжкой. Затѣмъ диспутантъ въ довольно обширной и оживленно сказанной рѣчи ознакомилъ публику съ общею исходною мыслію и содержаніемъ своего новаго сочиненія, основные тезисы котораго, полнѣе и ярче освѣщенные въ живой рѣчи автора, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Тертулліанова *теорія христіанскаго знанія* по своему общему церковно-положительному духу представляетъ собою одну изъ болѣе удачныхъ попытокъ развить основы храстіанскаго знанія, указанныя въ новозавѣтномъ Св. Писаніи, хотя и не можетъ считаться истиннымъ рѣшеніемъ вопроса во всѣхъ его подробностяхъ. По истолкованію смысла и значенія источниковъ и нормъ христ. знанія она противоположна гностико-еретической теоріи гносиса, по своей положи-

тельности отлична отъ теоріи церковно-умозрительнаго направленія и близка къ теоріи Иринея, дѣлая дальнѣйшій шагъ въ развитіи принциповъ ея. По отношенію къ общему разрѣшенію вопроса о христіанскомъ званіи заслуга ея состоитъ въ точномъ опредѣленіи объема знанія посредствомъ ограниченія его однимъ ученіемъ вѣры и устраненія изъ него языческо-философскаго элемента, въ вѣрномъ опредѣленіи отношенія между положительными и субъективными источниками и нормами христ. знанія. Но она нечужда недостатковъ по отношенію къ истолкованію смысла и значенія нѣкоторыхъ элементовъ знанія. Въ пониманіи существа гносиса Тертулліанъ стремится приблизиться къ ученію о немъ Ап. Павла.

2. Основныя начала богословія, развитыя *въ ученіи о Богѣ въ самомъ себѣ*: а) единство божественнаго существа, имѣющаго corpus sui generis, понимаемое въ качествѣ общей формы субстанціальнаго и реальнаго бытія божественнаго духа, способнаго испытывать афективныя состоянія; и б) троичность сего существа, которое божественная οἰκονομία располагаетъ въ св. Тройцу (trinitas) и Троицу въ единицу (unitas): ибо ни диспозиція (dispositio) трехъ лицъ въ единицѣ, ни распредѣленіе (distributio) единой субстанціи между тремя лицами не разрущаютъ монархіи. Раскрытіе отношеній между троицею и единствомъ со стороны распредѣленія единаго божества между тремя лицами нельзя признать удовлетворительнымъ.

Въ ученіи *объ откровеніи Бога въ мірѣ въ качествѣ Творца его* раскрыты слѣдующія положенія: а) въ ученіи о твореніи міра вообще: откровеніе въ твореніи міра есть дѣло благости Бога, свободно, а не по необходимости, сотворившаго міръ *изъ ничего*; ученіе о твореніи міра изъ вѣчной матеріи дѣлаетъ Бога несвободнымъ виновникомъ зла, пріобрѣтающаго чрезъ это характеръ натуральной необходимости. б) Въ ученіи о физическомъ мірѣ и ангельскихъ существахъ: міръ физическій есть благое твореніе Бога, создавшаго и тѣлесно-духовныя существа (corporales-spiritales) добрыми non natura, sed institutione и надѣлившаго ихъ свободною волею, послужившею причиною произведеннаго ими зла, состоящаго въ уклоненіи отъ блага, какъ цѣли ихъ институціи. Богъ не отвѣтственъ за свободное зло діавола. Ученіе о демонахъ и вообще о духахъ не чуждо недостатковъ. в) Въ ученіи о человѣкѣ развиты два общія положенія: а) человѣкъ не есть соединеніе двухъ враждебныхъ началъ: ибо ни въ натурѣ души человѣка, ни въ отношеніи къ ней плоти, ни въ происхожденіи первой незамѣтно присутствіе злаго начала. б) Зло, произведенное человѣкомъ, имѣетъ нравственный, а не космологическій характеръ: обладая свободною волею, онъ могъ пребывать въ добрѣ и уклониться отъ него, что не дѣлаетъ Бога виновникомъ зла: ибо божественная субстанція не тождественна съ образомъ Божіимъ, свободно нарушившимъ законъ, имѣвшій въ виду поддерживать и направлять свободу человѣка, а не стѣснять ее.

4. Всѣ указанныя основныя начала Тертулліановой теологіи развиты по принципамъ теоріи христіанскаго знанія съ незначительными уклоненіями отъ нихъ. Въ способѣ раскрытія этихъ началъ теологія Тертулліана выступаетъ предъ нами съ рѣшительно положительнымъ, конкретно реалистическимъ характеромъ, идущимъ рядомъ съ супранатуралистическимъ элементомъ; но она не чужда и спекулятивнаго элемента. Приниженіе послѣдняго и возвышеніе конкретно-реалистическаго элементовъ составляетъ основной тонъ ея.

Первымъ возражалъ магистранту заслуженный ординарный профессоръ *Д. В. Поспѣховъ*. Многоуважаемый ветеранъ философской науки въ академіи, сильный запасомъ богословско-философскихъ знаній и опытностію въ критикѣ богословско-философскихъ системъ и ученій, съ свойственною ему ясностію мысли и выраженій подвергъ критическому анализу основныя положенія магистранта касательно теоріи христ. знанія и основныхъ началъ богословія Тертулліана. Начавъ съ послѣдняго тезиса, какъ резюмирующаго все остальное, и утверждающаго, чте »основныя начала Тертулліановой теологіи развиты по принципамъ его теоріи христіанскаго знанія съ незначительными уклоненіями отъ нихъ«, оппонентъ замѣтилъ, что между тѣми и другими, представляя ихъ такъ, какъ они представлены въ положеніяхъ магистранта, усматривается не незначительное уклоненіе только, а прямое и существенное противорѣчіе. Если теорія христ. знанія или гносиса Тертулліана держится, какъ утверждаетъ диспутантъ, на основѣ общаго *церковно положительнаго направленія*, такъ что близка къ теоріи Иринея, дѣлая дальнѣйшій шагъ въ развитіи принциповъ ея; то какимъ образомъ по этой здравой теоріи могли развиться основныя начала Тертулліановой теологіи, состоящія въ матеріалистическихъ представленіяхъ о Богѣ, о духовныхъ существахъ, о душѣ человѣческой и т. под.

Такая постановка возраженія касательно общаго основнаго взгляда на Тертулліана, какъ богослова, повела диспутирующихъ къ дальнѣйшему анализу какъ самой теоріи христ. знанія такъ и началъ теологіи у Тертулліана. Оппонентъ развивалъ тотъ взглядъ, что теорія хр. знанія была у Тертулліана отрицаніемъ вся-

каго научнаго, философскаго знанія въ дѣлѣ вѣры, что она направлена была не только противъ языческо-еретическаго *гносиса*, но и противъ христіанскаго, богословско-философскаго гносиса, развиваемаго александрійскими церковными учителями учено-созерцательнаго направленія, что поэтому не есть развитіе ни ученія ап. Павла объ отношеніи между вѣрою и разумомъ, ни теоріи церковно-положительнаго направленія Иринея, а есть рѣшительная крайность этого послѣдняго направленія, ведущая не впередъ, а назадъ. Человѣкъ страстной, увлекающейся натуры, Тертулліанъ былъ герой вѣры, отлично защищавшій ее отъ притязаній гордаго, такъ называемаго лжеименнаго знанія или языческо-еретическаго гносиса,—и въ этомъ его великая заслуга для церкви своего времени; но, увлекшись до фанатизма внутреннимъ негодованіемъ противъ этого направленія, онъ зашелъ такъ далеко, что отвергъ всякое достоинство научно-христіанскаго знанія и мышленія, которое уважала церковь, возводя преимущество лицъ такого знанія и мышленія на высшіе посты церковнаго служенія. Отвергши пособія разума и научнаго знанія въ области вѣры, какъ въ замѣнъ того поддался обольщенію чувственныхъ воспріятій, мечтательному представленію о параклетѣ, чувственно озаряющемъ его, и кончилъ тѣмъ, что, порвавъ связь съ церковію и ея іерархіею, впалъ въ монтанизмъ, въ которомъ мнимыя вдохновенія женщины замѣняли свѣточъ разумнаго, научнаго пониманія вѣры. Этотъ печальный исходъ былъ какъ бы карою страстному борцу, въ своей страстности увлекшемуся до противной христіанско-церковному духу вражды противъ человѣческаго разума и знанія. Такимъ окончательнымъ складомъ теоріи хр. знанія у Тертулліана объясняются и основныя начала его теологіи. И здѣсь оппонентъ, вопреки диспутанту утверждалъ, что эти начала носятъ несомнѣнно чувственный, матеріалистическій характеръ, хотя и не такого грубаго свойства, какъ у другихъ древнихъ или новыхъ матеріалистовъ, но, тѣмъ не менѣе, стоящій въ полномъ противорѣчіи съ истинными христіанскими понятіями. Это свое утвержденіе оппонентъ выяснялъ анализомъ теологичеекихъ воззрѣній Тертулліана, самыхъ терминовъ его теологіи, выставленныхъ и въ тезисахъ магистранта. Послѣдній горячо отстаивалъ свой взглядъ и свои тезисы и не безъ искусства вносилъ смягчающія опредѣленія и поясненія къ нимъ, что, вмѣстѣ съ общимъ достоинствомъ сочиненія публично и громко признаннымъ и оппонентомъ его, порождали видимо успокоительное настроеніе въ слушателяхъ этого весьма интереснаго диспута, непосредственный интересъ котораго возвышался носившимся, такъ сказать, въ представленіи слушателей образомъ оригинальной личности, бывшей предметомъ его. Другой оппонентъ проф. *М. Ф. Ястребовъ* выступилъ противъ магистранта съ возраженіями болѣе частнаго свойства. Оружіемъ въ рукахъ противниковъ были на этотъ расъ подлинныя творенія Тертулліана, а полемъ борьбы выдержки и цитаты изъ этихъ твореній въ сочиненіи магистранта. Рядомъ провѣрокъ этихъ цитатъи выдержекъ первый ставилъ па видъ послѣднему, что излагаемые имъ мысли и выдержки изъ Тертулліана не всегда оправдываются подводимыми къ нимъ цитатами, которые иногда говорятъ не то или не такъ, что и какъ представляетъ это магистрантъ. Послѣдній отстаивалъ себя преимущественно тѣмъ, что онъ беретъ не букву текста въ твореніяхъ Тертулліапа, а общія мысли его или же тѣ или другія выраженія текста понимаетъ въ смыслѣ и тонѣ общей теологической системы Тертулліана. Споръ, вращавшійся около такой, повидимому, сухой темы, тѣмъ не менѣе быстро принялъ тонъ возбужденный, почти запальчивый съ обѣихъ сторонъ, что, между прочимъ, поддерживало интересъ диспута до самаго конца его, который наступилъ лишь въ половинѣ 3-го, такъ что весь диспутъ продолжался три съ половиною часа, и повидимому безъ утомленія для публики, ряды которой не рѣдѣли до самаго конца диспута. По окончаніи послѣдняго ректоромъ академіи преосвященнымъ Михаиломъ, собравшимъ голоса членовъ Совѣта, объявлено о единогласномъ признаніи защиты удовлетворительною.

Библіографическая замѣтка. «*Поученія къ простому народу*» Іонна Архангельскаго, священника саратовской Стрѣтенской церкви. Спб. 1880. Изд. книгопр. Тузова (стр. 325).—Поученія о. Архангельскаго въ сравненіи съ другими подобными имѣютъ ту особенность, что почти всѣ посвящены обличенію существующихъ въ простомъ народѣ суевѣрій и предразсудковъ. Изъ восьмидесяти пяти поученій едва можно насчитать поученій пятнадцать (о смертныхъ грѣхахъ), въ которыхъ излагается положительное (нравственное) ученіе церкви. Но и эти поученія по содержанію вполнѣ приспособлены къ складу простонародныхъ понятій, а по изложенію, какъ и всѣ остальныя поученія, вполнѣ отвѣчаютъ требованію общепонятности. Вотъ нѣсколько заглавій изъ книги о. Архангельскаго: противъ тѣхъ, которые боготворятъ иконы; о томъ, что св. иконы слѣдуетъ имѣть въ чистотѣ и благолѣпіи; противъ святошниковъ, имѣющихъ обыкновеніе погружаться въ проруби послѣ водоосвященія въ праздникъ Богоявленія;

противъ тѣхъ, которые для исцѣленія одержимыхъ злыми духами прибѣгаютъ къ волшебникамъ; о томъ, что не слѣдуетъ вѣрить «опредѣленіямъ на роду» или року; противъ любящихъ пѣть неподобныя пѣсни публично съ гармониками, гудками и балалайками; противъ тѣхъ, которые считаютъ грѣхомъ лѣчиться; о томъ, что въ печали не слѣдуетъ предаваться жизни пьяной; противъ родителей, запрещающихъ дѣтямъ вступать въ законный бракъ; противъ родителей, которые принуждаютъ дѣтей къ браку; противъ занимающихся торговлей въ дни воскресные и праздничные; противъ тѣхъ, которые встрѣчу съ священникомъ считаютъ худымъ предзнаменованіемъ; о томъ, что не слѣдуетъ вѣрить снамъ; о томъ, что оспопрививаніе не есть печать антихриста; о томъ, что слѣдуетъ отдавать дѣтей въ наученіе грамотѣ и заботиться объ устройствѣ училищъ; противъ тѣхъ, которые ходятъ только смотрѣть на пожаръ, а не тушить оный; о томъ, что не слѣдуетъ удерживать мзды у рабочихъ; противъ тѣхъ, которые осуждаютъ, что людей богатыхъ хоронятъ пышно; противъ называющихъ безсловесныхъ животныхъ человѣческими именами; о томъ, что не слѣдуетъ не навидѣть людей и не одной съ нами вѣры, что слѣдуетъ подавать милостыню и не христіанамъ, что не грѣшно употреблять пищу съ людьми некрещеными и иновѣцами и т. д. Мы не исчислили и половины заглавій изъ книги о. Архангельскаго; но и изъ того, что исчислили, видно, что проповѣдникъ довольно полно обнимаетъ весь кругъ простонародныхъ суевѣрій и предразсудковъ. При всей своей краткости поученія о. Архангельскаго достаточно убѣдительны и доказательны. Доказательства своихъ мыслей авторъ заимствуетъ главнымъ образомъ изъ жизни святыхъ, также изъ соборныхъ и святоотеческихъ правилъ. Тексты св. писанія приводятся имъ не по русскому переводу, что уже входитъ въ настоящее время въ употреаленіе у проповѣдниковъ, а по переводу славянскому. Поученія о. Архангельскаго выходятъ нынѣ уже четвертымъ изданіемъ: этотъ успѣхъ книги свидѣтельствуетъ о ея достоинствахъ и о томъ, что поученія именно съ такимъ, а не инымъ содержаніемъ всего больше отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ пастырскаго учительства въ сельскихъ приходахъ. (Цер. Вѣст.).

Новый смотритель кіево-софійскаго училища *А. И. Корсаковскій*, бывшій предъ тѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ смотрителемъ уманскаго училища, съ начала сентября вступилъ въ должность. Надѣются, что новый смотритель, извѣстный своею весьма полезною успѣшною дѣятельностію по управленію уманскимъ училищемъ, пріобрѣтетъ ему довѣріе и уваженіе окружнаго духовенства, приведетъ въ лучшее устройство и Софійское училище. Этому должно благопріятствовать также ожидаемое замѣщеніе, кромѣ должности помощника смотрителя, также и большей части учительскихъ мѣстъ въ училищѣ молодыми людьми съ высшимъ академическимъ образованіемъ.

Училищно-окружные съѣзды въ кіево-софійскомъ и кіево-подольскомъ училищахъ, открывшіеся 2 сентября, окончились 4; предсѣдателемъ на первомъ съѣздѣ состоявшемъ изъ 20 депутатовъ былъ свящ. Владиміръ Сольскій, дѣлопроизводителемъ священникъ Гребитскій; на второмъ, состоявшемъ изъ 30 депутатовъ, предсѣдателемъ былъ протоіер. Захарій Опоковъ, дѣлопроизводителемъ—священникъ Петръ Шостацкій. Засѣданія съѣздовъ бывали по два раза въ день утромъ до 1—2 ч. и по полудни отъ 3—4 до 6—7 ч. Съѣзды ограничились разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ текущихъ вопросовъ, постановленныхъ инструкціей вопросовъ, по хозяйственному устройству училищъ. Протоколы съѣздовъ, подробно сообщающіе о ихъ занятіяхъ, будутъ въ свое время напечатаны въ нашемъ изданіи.

Профессоръ *И. Малышевскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Печатать дозволяется. 15 сентября 1880 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.